

ЮВЕНИЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматривается явление ювенилизации, определяемой как омоложение моделей поведения в обществе. Характеризуется одно из его проявлений: кидалты – взрослые, идентифицирующие себя с детскими практиками. Приведены два возможных теоретических подхода к исследованию ювенилизации. Первый рассматривает ювенилизацию как потребительскую стратегию, объясняя её с точки зрения теорий М. Фуко и Н. Элиаса. Он позволяет рассмотреть в ювенилизации специфический вариант престижного потребления, в котором человек пытается отнести себя к некоей социальной группе. Второй подход рассматривает ювенилизацию как средство формирования идентичности, согласно теориям Э. Баумана и И. Гофмана. Здесь ювенилизация становится стратегией поведения, направленной на создание некоторого собственного образа, с которым индивид пытается связать свои повседневные практики.

Ключевые слова:

антропология возраста, идентичность, кидалт, престижное потребление, этос, этика, ювенилизация.

Отдельное явление в рамках научного познания можно исследовать с помощью разных научных концепций. Концепции определяют выбор терминов и способов исследования. Исходя из них, учёные конструируют гипотезы, затем оправдывая или опровергая их в своих работах. Выбрав концепцию, исследователь принимает язык, взгляд на ситуацию, особые акценты в исследованиях.

В данной публикации я бы хотел заострить внимание на опыте поиска исследовательской концепции для культурологического исследования и рассмотреть возможные интерпретации одного явления, мало изученного в российской научной литературе, – ювенилизации. Его самое яркое проявление – кидалт (kidult, от английского kid – ребенок и adult – взрослый). Дискуссия вокруг ювенилизации уже далеко не нова. Она актуальна в сфере изучения возрастных моделей поведения. Это достаточно старая тема исследований психологов; и специалистов по антропологии возраста [4, с. 42]. Ювенилизация актуальна в связи с проблемой дискриминации по возрастному принципу, или эйджизма (ageism). В данном контексте ситуация аналогична сексизму или расизму [11, с. 115]: люди определённых возрастов имеют в некоторых ситуациях ограниченные права, хотя на уровне конституционного законодательства все равны.

Цель данного исследования – описать, как можно рассмотреть ювенилизацию в рамках различных научных подходов. Эта цель будет достигнута после выполнения трёх основных задач: пояснения используемых терминов и изучаемого явления, ана-

лиза разных теоретических подходов и интерпретации данного явления с помощью каждого из них. Остановимся на двух гипотезах, которые будут представлены ниже.

Современное состояние исследований по ювенилизации. Ювенилизация означает омоложение поведенческих стратегий индивида, осуществляемое путём включения в них моделей поведения, конвенционально признанных присущими более молодым людям. То есть, ювенилизация означает любой «сдвиг» поведенческих стратегий к образцам, свойственным более молодым поколениям. Она не заключается только в том, что люди старшего возраста начинают одеваться похоже на молодёжь или бороться с биологическими признаками старения. Это ещё и проявления старшими социальных практик, присущих молодёжи. Ювенилизация предусматривает разные заимствование старшими людьми практик не только молодых людей, но и детей и подростков.

Одним из основных проявлений ювенилизации в России можно считать то, что строгая зависимость моделей поведения от возраста, присущая традиционным культурам [4, с. 128], исчезает. Границы между возрастными группами также становятся менее чёткими, и взрослые, дети и пожилые люди перенимают друг у друга различные модели поведения. И современные исследователи российских молодёжных движений, к примеру, говорят уже не о молодёжи, но среде «молодых взрослых», в которой сосуществует множество солидарностей – аналогов субкультур [7, с. 483], физиологические возрастные рамки которой не определены.

Ювенилизация изучается в рамках различных дисциплин. В частности, термин нередко упоминается в обсуждениях кризиса среднего возраста. Это понятие было введено Э. Жаке (E. Jacques) [13, с. 44.] в шестидесятых годах. В психологии это направление не потеряло актуальности и по сей день, о чём свидетельствует масса публикаций, например, на сайте издания «Psychology Today»*.

В сфере социальной антропологии и культурологии проблема ювенилизации исследована меньше. Есть масса текстов об отдельных возрастных группах и отношениях к ним, но проблема «омоложения» рассматривается редко. Так, интернет-библиотека «Questia» указывает публикации по социологии и социальной антропологии детства, подросткового возраста и старения, но помещает их в категорию «Social Issues» (социальные проблемы). Хотя такая формулировка удовлетворяет проявляемый нами интерес, публикации в разделе описывают проблемы возрастных групп, ювенилизация отмечается лишь в текстах о, например, старении. Чаше встречаются исследования ограничений, накладываемых на возрастные группы [11, с. 70] или же интерпретации возраста как элемента конструирования сообществ [4, с. 149].

Но всё же тема ювенилизации косвенно проявляется в культурологических исследованиях явления «кидалт». Это словосочетание, перенесённое в русский язык из английского, то есть, буквально, ребёнок-взрослый. Таких людей можно называть возвращающимися в детство, или, как пишет Э. Калькутт, теми, кто «примирился со своим внутренним ребёнком» [12, с. 98].

Кидалт – взрослый человек, который, применяет детские практики. Взрослый в современном обществе – экономически независимый человек, то есть некто, имеющий достаточный доход для обеспечения собственной независимой жизни. Детские практики кидалтов, как правило, связаны с досугом. Это игры, например, ролевые или компьютерные, или потребление детских продуктов. Это могут быть мультфильмы [12, с. 88], сделанные специально для детей и подростков, аниме, манга и комиксы, или игрушки. Важна причина потребления: кидалт ищет детские продукты не с целью коллекционирования, но с целью потребления – игры, чтения или просмотра. Но потребления недостаточно, чтобы быть кидалтом. Для этого человек должен себя признавать таковым, давать

себе право сказать: «я прикольный, но могу и посерьёзничать» [5].

Изучению кидалтов посвящена масса публикаций – во многом это связано с популярностью явления в первой половине 2000-х годов в США и Европе и в 2008-2010 годах – в России. Но интерес к явлению в России связан с повесткой дня, конструируемой масс-медиа [5]. Научных исследований на эту тему куда меньше. Отметим три работы, которые позволяют, помимо прочего, подтвердить, что кидалты являются признанным проявлением ювенилизации.

Хотя статьи Л. Горалик [5] и Е. Ярской-Смирновой, М. Вороны и Г. Карповой [10] написаны в разное время и посвящены разным аспектам данного явления (Горалик пытается проанализировать причины возникновения кидалтов, а группа Ярской-Смирновой занимается анализом моделей поведения), в целом авторы приходят к схожим выводам.

Обе публикации рассматривают кидалтов как пример проникновения детских моделей поведения в жизнь взрослых [10, с. 296–297]. Другая общая черта – отмеченная авторами нестабильность паттернов поведения, которая и приводит взрослых к детству, которое оставалось «в пределах досягаемости» [5] вместе со своими поведенческими моделями и нормами. Л. Горалик описывает кидалтов именно как следствие уже происходившего размывания границ между возрастными группами, группа Ярской-Смирновой не отрицает этой позиции, рассуждая, что кидалты – своеобразный ответ на вызовы изменчивой современности [10, с. 299–300].

В том, что самым ярким и заметным проявлением ювенилизации стали именно кидалты, нет ничего удивительного, – считает автор третьего текста о ювенилизации, Э. Калькутт. В книге «Pop Culture and the Erosion of Adulthood» («Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления») [12] он описал специфические модели поведения, которые возникали на его глазах вследствие «эрозии (разложения) взрослости», или ювенилизации.

Калькутт пересказывает слова американского критика Дж. Албриджа: после II Мировой войны западное общество не имело новой модели поведения взрослых. Результатом этого, по мнению Албриджа, стала «фетишизация» юности и детства, смещение акцента и внимания именно на этот период жизни. Юность «из периода жизни преобразуется в вечное объяснение инфантильности и ребячества» [12, с. 7].

* Примеры можно найти по следующему адресу: <http://www.psychologytoday.com/basics/mid-life-crisis>

За несколько лет эта ситуация приводит к буму поп-культуры, созданной для молодёжи. «Поп» отражает её ценности и модели поведения, подчёркивает отсутствие у молодёжи образцов действия, их страхи перед взрослыми и перед будущим, то есть глубокий культурный разлом между представителями разных поколений. В текстах рок-групп и битников примечательны сюжеты, в которых молодой герой не знает, что ему делать в своей будущей жизни [12, с. 3–6], панически боится взросления. Свойственные тем годам мысли Э. Калькутта находят в песне группы «The Who» с рефреном «fore I die before I get old» («надеюсь умереть до старости»).

Эти ощущения не исчезают у людей с наступлением взрослости. Следствие – рост ощущения безоружности против отчуждённого мира, и, как следствие, масса фобий. Они становятся основой современной культуры, причиной, с одной стороны, доминирующей иронии [12, с. 169], с другой стороны, «побега» в детство как отдыха от вечно меняющегося мира. Убегаю в детство, послевоенные поколения стремятся найти в себе «внутреннего ребёнка» и жить с ним в равновесии [12, с. 98]. Это, по мнению Калькутта, является причиной омоложения моделей поведения.

Ювенилизация как символическое потребление. Первая гипотеза основана на теориях Н. Элиаса и М. Фуко. Оба исследователя придерживались схожей позиции. Н. Элиас отслеживал то, как формируется сознание, свойственное сообществу. Его словами – этос. М. Фуко рассматривал механизмы, которые приучали индивидов к этосу. Он использовал другие термины: «эпистема», или «система сознания». Этос, согласно их концепциям, формирует сознание индивидов, диктует им действия и подсказывает решения в определённых ситуациях [9, с. 16].

Основным средством распространения эпистем, согласно теории Фуко, становится дисциплинарная власть. Главный принцип её действия – контроль пространства, в котором обитает индивид [8, с. 206], и контроль над его телом [8, с. 221].

Интересна эпистема, которую Н. Элиас рассматривает в книге «Придворное общество». Он исследовал, как человек подтверждал свой социальный статус потреблением, на примере французского дворянства времён Людовика XIV. У феодалов того времени существовал «этос престижного потребления» [9, с. 28]. Они должны были, так как были дворянами, чтобы подтвердить свой социальный статус [9, с. 81–83].

Общество постепенно перешло на иные модели. Но правила потребления никуда не исчезли, они лишь вышли за рамки одной только аристократии и распространились в буржуазной среде, наследовавшей принципы «дворянства шпаги» [9, с. 89–90].

И пусть потребление сегодня экономно и предполагает создание накоплений, человек всё же тратит, и далеко не всегда делает только необходимые для жизни покупки. Трата не потеряла свою функцию маркировки – выражаемое в приобретениях социальное и экономическое положение по-прежнему является важным элементом конструирования личного образа. Об этом свидетельствуют наблюдения Ж. Бодрийяра, описанные в книге «Система вещей». Покупка определённых видов мебели (обязательно массивной, декоративной и минимально функциональной) маркирует человека как представителя буржуазии, привыкшего жить в просторном личном доме. Покупка диванов-раскладушек показывает в человеке представителя среднего класса, живущего в небольшой съёмной квартире [3, с. 23–23, 27–28].

Ювенилизированные индивиды, в частности, кидалты как нельзя лучше демонстрируют эту тенденцию, что подтверждается текстом Е. Ярской-Смирновой. Увлечение игрушками и мультфильмами становится потреблением, которое, согласно существующему этосу, подтверждает их принадлежность к группе, участниками которой они себя считают [10, с. 299].

Кроме того, потребляемые предметы могут быть средством конкуренции между ювенилизированными индивидами. Они демонстрируют друг другу, как много денег и труда вложено в их игрушки. Это позволяет интерпретировать, например, результаты шести интервью, проведённых мной в рамках исследования одного небольшого сообщества. Его участники, игроки в солдатиков, косвенно демонстрировали труд, вложенный в раскраску, и деньги, которые им потребовались для покупки игрушек.

Ювенилизация как поиск «твёрдой» современности. Книги З. Баумана можно считать расширенным продолжением трудов И. Гофмана. Единственным различием их концепций является, помимо терминологии, то, что Бауман рассматривает общество, постоянно существующее при конфликте индивида и исполняемых социальных ролей, в то время как во времена первого между ними ещё не было конфликта. Но его возможность была предсказана в первой работе Гофмана [6, с. 302].

Бауман пишет о мире, где этот конфликт в разгаре. Стабильность общества времён Гофмана миновала, и в двадцать первый век мы вошли в иное времени и пространстве [1, с. 17–18].

В этом времени предприятия вынуждены гнаться за новыми рыночными тенденциями, став для этого мобильными, гибкими. Мобильность обеспечена минимумом кадров, что приводит к сокращению. Это формирует «краткосрочную» ментальность [1, с. 30]. Как следствие, время становится «текучим», непостоянным, изменчивым. Сотрудник предприятия больше не привязан к своему месту работы. Он вынужден постоянно менять места и саму деятельность, если полученная ранее специальность на рынке не нужна. Очередной экономической кризис делает актуальными новые виды деятельности, а потерявшие в результате кризиса крах – ненужными [1, с. 31].

Новое пространство так же «текуче»: человек передвигается от одной сцены к другой, из одной роли в другую, не меняя своей позиции в пространстве. «Текучесть» жизни придаёт мобильный телефон. Звонки поступают от коллег, родственников и друзей, как следствие, человек вынужден часто менять социальные роли. А теперь телефон перенимает ещё и почтовую переписку, функции управления банковским счетом, функции книги, телевизора, плеера, магазина... Высокая мобильность отщепляет индивида от прежних сообществ, «индивидуализирует» его [2, с. 32]. Индивидуализация приводит к потере комфорта.

Пространства каждый должен делить для себя индивидуально, создавая целую карту мира, основанную на личном мировоззрении и имеющихся знаниях [2, с. 63–64]. Человек вынужден создавать личные границы, так как общие были разрушены со смертью дисциплинарного общества. В этом помогает идентичность. Идентичность – общность, к которой человек себя причисляет. Идентифицировать себя можно с любым объектом или группой – например, профессиональной, политической, гендерной и так далее.

Идентичность не просто привносит чувство стабильности. Она – основа исполнения любой социальной роли. Но роли меняются, а с ними – и идентичности. Вчерашний представитель «офисного планктона» сегодня политический активист – это явление нормально для «текучей современности» [2, с. 127].

Ювенилизация здесь – разновидность идентичности, идентификация с более

молодыми возрастными группами или какими-либо практиками, с ними ассоциированными, включающая в себя презентацию и организацию жизненного мира за счёт этих практик. Так, кидалты не только идентифицируют себя с детскими практиками. Они ещё и конструируют свой образ жизни – время, географию своей жизнедеятельности и т.д. – согласно своей идентификации, а также стремятся каким-то образом сконструировать с её помощью цельный образ себя в окружающем мире [2, с. 146–147].

Репрезентация идентичности несёт за собой неминуемое столкновение интересов, а также потребность в политиках. Для ювенилизированных индивидов столкновение неминуемо: «серьёзный» окружающий мир конфликтует с «несерьёзным» миром уже упомянутых кидалтов. Их модели поведения, ценности и нормы не воспринимаются обществом всерьёз, и противопоставить этому отказу в серьёзном восприятии они ничего не могут. Реакцией на это становятся описываемая Калькуттом ирония – строительство символического барьера между ювенилизированными индивидами и окружающим миром, ощущение кидалтами собственного бессилия [12, с. 175].

Это показывает необычный аспект теорий Баумана и Гофмана: анализ ювенилизации на примере российской действительности невольно затронет проблему политики.

Интерес будет представлять и то, как конструирует карту своего обитания кидалт, на какие зоны он делит свой мир в связи со сформированной идентичностью и каким образом делит своё время в связи с ней. Интересно будет увидеть то, какие смыслы привносит эта идентичность в привычные всем улицы города и как носитель видит известные проблемы и ситуации.

В заключение рассмотрим еще раз основные гипотезы, которые были сформированы на базе имеющихся данных и научных теорий. Рассматривались гипотезы для исследования социального явления, которое стало отмечаться в последние годы, – ювенилизации моделей поведения. Было дано определение ювенилизации, пояснены возможные варианты явления, в том числе кидалты. Были рассмотрены две гипотезы для исследования этого социального явления.

Первая гипотеза основана на теориях Н. Элиаса и М. Фуко. Она представляет ювенилизацию как практики по сохране-

нию тела, которые предписываются эйдосом. Практики кидалтов рассматриваются как маркирующее социальный статус потребление. В зависимости от сумм, затраченных на детские практики, такой индивид и устанавливает свой статус.

Другая теория – концепция З. Баумана и И. Гофмана. Согласно ей, кидалт – это одна из идентичностей, основанная на принятии социальных ролей ребёнка и ассоциации себя с ними.

Каждая из гипотез показывает специфический аспект для исследования этого явления. Так, гипотеза на базе работ М. Фуко и Н. Элиаса позволяет рассмотреть стратегии поведения, выработанные среди ювенилизированных индивидов, то, как они, демонстрируя результаты инвестиций, создают себе положение в различных сообществах.

А гипотеза, основанная на текстах И. Гофмана и З. Баумана, позволит рас-

смотреть, как в связи с ювенилизацией конструируются новые идентичности и образцы поведения, как индивиды конструируют свои образы в новом мире, как эти образы влияют на их представление о мире и каким образом ювенилизированные индивиды, в соответствии со своими представлениями о мире, действуют в различных ситуациях.

Данная статья – лишь тезисный обзор двух теоретических концепций. Фактически, показан набор концепций, с помощью которых можно исследовать социальное явление. Но то, какие концепции и в какой комбинации будут отобраны для интерпретации эмпирического материала, покажет, скорее всего, исследовательская интуиция – на данном этапе можно было лишь наметить предварительные результаты, которые может дать тот или иной подход к исследованию ювенилизации.

Список литературы:

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002 – 390 с.
- [2] Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 230 с.
- [3] Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 230 с.
- [4] Бочаров В. Антропология возраста. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. – 196 с.
- [5] Горалик Л. Маленький Принц и большие ожидания // Линор Горалик, 2012. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://linorg.ru/little_prince.htm (09.08.2012)
- [6] Гофман И. Презентация себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 303 с.
- [7] Омельченко Е. Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу о концептуализации новых форм коммуникации в молодёжной среде // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – с. 478–488.
- [8] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 380 с.
- [9] Элиас Н. Придворное общество. – М.: Языки славянской культуры, 2002 – 348 с.
- [10] Ярская-Смирнова Е.Р., Ворона М.А., Карпова Г.Г. Кидалт вы или обыкновенный человек? Визуальное производство стиля // Визуальная антропология: городские карты памяти. – М.: Вариант, ЦСГИ, 2009. – С. 294–309.
- [11] Vytheway B. Ageism. – Philadelphia: Open University Press, 1995. – 142 p.
- [12] Calcutt A., Arrested Development. – London: Cassel, 1998. – 262 p.
- [13] Cognitive Analytic Therapy and Later Life: A New Perspective on Old Age. – New-York: Brunner-Routledge, 2003. – 232 p.